

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 12 Volume: 80

Published: 30.12.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Gulsanem Kenesbaevna Allambergenova

Nukus state pedagogical institute named after Ajiniyaz

Competitor of the Karakalpak literature, Nukus

+998939205495

allambergenov54@mail.ru

KARAKALPAK DASTAN “EDIGE” AND “SHARYAR” FROM THE POINT OF VIEW OF FOREIGN SCIENTISTS: SOME PROBLEMS OF TYPOLOGY OF MAGIC EVENTS OF PLOT MOTIVES

Abstract: The article deals with the issues of comparative-typological study of the Karakalpak epos. The comparative analysis of folklore of nations with different language systems let us get acquainted closer with the best works of folklore. The comparative study of folklore of different peoples is considered to be a great contribution to the development of global literary study. The author of the article distinguishes the common and specific peculiarities of the Karakalpak epos comparatively with the epos of other peoples using the leading experience of prominent scholars of the East and West. The article deals with the similarities and differences of motives of magic-event plots in folklore epic heritage of Turkic-Mongolian and Arab-Persian people on the basis of the comparative-typological method. They are the ideological-aesthetic basis in the genesis of the Karakalpak epos and Turkic folklore. The motives of magic-event plots are given in the form of transferred plots in the epic heritage of the above-mentioned people. It shows the historical cultural and spiritual connections and of these people. The opinions of foreign scholars on this issue present the first investigations of the comparative-typological character.

Key words: comparative-typological scientific research works, Turkicology and epos, historical-genetic links of typology, historical typology, historical principle, historical and cultural links of typology, national versions of the eposes, typology national versions of eposes, genesis, typology, epos, motive, images of heroes, mythological fairy-tale plot, transferred plots, epic work, national peculiarities, myth elements, totemism.

Language: Russian

Citation: Allambergenova, G. K. (2019). Karakalpak dastan “Edige” and “Sharyar” from the point of view of foreign scientists: some problems of typology of magic events of plot motives. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 12 (80), 529-538.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-12-80-100> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.12.80.100>

Scopus ASCC: 1208.

КАРАКАЛПАКСКИЙ ДАСТАН «ЕДИГЕ» И «ШАРИЯР» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЁНЫХ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ВОЛШЕБНО-СОБЫТИЙНЫХ СЮЖЕТНЫХ МОТИВОВ

Аннотация: Статья посвящается вопросам научного сравнительно-типологического изучения каракалпакского эпоса. Сравнительный анализ фольклорных произведений народов, носителей разнотипных языков позволяет глубже познакомиться с примерами их народного творчества. Сравнительное изучение фольклора разных народов является весомым вкладом в глобальное литературоведение. В статье использован передовой опыт виднейших литературоведов стран Востока и Запада. Автор статьи выявила общие и специфические особенности каракалпакского эпоса на основе сопоставления с эпосами других народов. А также, в статье на основе сопоставительно - типологического метода изучаются сходства и различия мотивов волшебного-событийных сюжетов в устном эпическом наследии турко-монгольских и арабо-персидских народов, которые являются идейно-эстетической основой в генезисе каракалпакского эпоса. Мотивы волшебного-событийных сюжетов встречаются в форме

Impact Factor:

ISRA (India)	= 4.971	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 0.829	РИИЦ (Russia)	= 0.126	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 8.716	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 5.667	OAJI (USA)	= 0.350

«переносных сюжетов» в эпическом наследии выше -указанных народов. Это показывает многолетние исторические культурные связи и духовную близость этих народов. Делаются выводы о том, что мнения зарубежных учёных по этому вопросу являются первыми исследованиями сопоставительно-типологического характера.

Ключевые слова: сравнительно-типологические научные исследования, тюркология и эпос, историко-генетические связи типологии, историческая типология, исторический принцип, исторические и культурные связи типологии, национальные версии дастанов, типология национальных версии эпосов, генезис, типология, эпос, мотив, образы героев, мифологический сказочный сюжет, переносные сюжеты, этическое произведение, национальное своеобразие, мифические элементы, тотемизм.

Введение

Типологические явления в фольклоре и литературе разных народов можно видеть в их социально-политической жизни, учитывая сходства и национальные различия в их образе жизни и на основе ряда примеров и изучая объективные закономерности путём сопоставительно-исторического типологического исследования в научных трудах выдающихся учёных-тюркологов [8,9,12,13,15,19,20,22,23,24].

Здесь уместно отметить типологию национальных версий дастанов «Алпамыс» в качестве примера типологического изучения историко-генетического явления. Однако, данный вопрос в фольклористике тюркоязычных народов до 50-х годов XX века не нашёл своего решения. Ибо в начале 50-х годов прошлого столетия отдельной национальной версии была дана субъективная оценка, которая заключалась в том, что дастаны эти односторонне воспевают интересы богачей, баев-феодалов. Именно поэтому, чтобы очистить «из грязей», появилась необходимость исследовать все национальные версии в типологическом изучении [20].

А.К.Боровков вплотную подошёл к данному вопросу и в своей статье «Вопросы изучения эпосов тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана» специально остановился на анализе вышеуказанных дастанов, в частности, он резко выступил против А.Абдунабиева и А.Степанова, критикуя их за нигилистические взгляды, и он убедительно доказал путём глубокого анализа, который заключается в том, что дастан является по своему идейному содержанию истинно народным, что типологические, историко-генетические и историко-культурные связи в национальных версиях плодом многолетнего труда жырау-баксы устного народного творчества, и автором были успешно доказаны образы и сюжетные мотивы дастана с помощью убедительных аргументов [6:66-100].

Ещё одним выдающимся учёным-тюркологом является В.М.Жирмунский, который дал положительную оценку дастану «Алпамыс» в типологическом плане. Он в статье «Генезис и историчность дастана «Алпамыс»», собрав воедино все национальные версии данного эпоса, широко распространённого среди тюркоязычных народов, провёл сопоставительно-типологический

анализ с сочинением в книге «Жоркыт - ата». В результате анализа автор статьи приходит к выводу, что генезис всех национальных версий восходит к единому жырау-сказанию «Жыр о Бамси-Байраке», что находится в книге «Жоркыт-ата» автор утверждает, что данный «жыр-сказание» составляет основу сюжетных линий всех национальных версий дастана [8:584-600].

В.М.Жирмунский вёл также крупномасштабную сопоставительно-типологическую исследовательскую работу и по дастану «Едиге». Мы видим, что часть, которая называется «Дастан об Едиге» его объёмистого труда посвящённого изучению героического эпоса тюркоязычных народов, целиком и полностью отражает данный вопрос. Исследователь в своём труде сравнивает каракалпакскую, ногайскую, башкирскую, татарскую и казахскую версии и приходит к выводу, что генезис всех этих национальных вариантов восходит к единому источнику, что для всех событий отражаемых в указанных выше версиях послужила сюжетная основа одного и того же исторического периода XIV-XV веков, когда происходили кровавые события между ханами Алтын-Орды и правителями Мавереннахра, бескомпромиссная борьба Амира Темура и Едиге за создание Тюркского Каганата против Тохтамыса [8:360].

Заметное место занимает исследовательское направление касающееся той или иной проблемы фольклористики, если сказать точнее, изучение типологических аналогий и специфических особенностей между национальными вариантами названных выше дастанов «Алпамыс» и «Едиге» и в трудах И.Сагитова [26:179-293], К.Махсетова [14:237-248], С.Бахадыровой [3,4] и К.Алламбергенова [1,2]. Однако, по настоящему специальное изучение указанных дастанов в типологическом плане началось только в годы независимости. Если отметить в качестве крупных научно-исследовательских работ в данном направлении, то следует назвать ряд статей С.Бахадыровой, письменный памятник книги «Жоркыт ата», каракалпакская версия дастана «Едиге» [4:39-69] и ряд монографий К.Алламбергенова о каракалпакском народном дастане «Едиге», специально посвящённых исследованию вопроса о типологии национальных версий, об их генезисе [1,2]. В этих исследованиях

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

можно увидеть то, что в особенности типологии традиционных мотивов уделяется огромное внимание.

Подобные типологические явления можно встретить и в примерах других родственных тюркоязычных народов. Так, например типология традиционных мотивов народных дастанов каракалпаков и узбеков восходит к единому идейно-духовному истоку и сообщает о таких историко-генетических связях других родственных народов. И если обратить внимание на сюжеты народных эпосов этих двух вышеуказанных народов, то можно заметить, что в двух народных эпических наследиях традиционные мотивы связанные с рождением ребёнка в семье и его воспитанием, а также с женитьбой и другими. обычаями занимают огромное место. В качестве ясного образца можно отметить мотив бездетности, который занимает широкое место в эпосах каракалпаков и хорезмийцев. В.Я.Пропп этот мотив бездетности считает в качестве особого эпического элемента в эпических или дастанных произведениях [23:107].

Если обратить внимание на эпические произведения каракалпаков и на содержание дастанов других тюркоязычных народов, то ясно проявляется мотив бездетности: мольбы и молитвы богу, прося его о ребёнке, о сыне; прихоти привередливости, вкусовые капризы женщин; неожиданная находка ребёнка, сюрпризы; помощь духов дедов-прадедов; осуществление обрядов, связанных с тотемом (вождём); беременность женщин от каких-то сверхъестественных сил или же обременение матерей от случайных продуктов и другие аналогичные детали встречаются в сюжетах вышеуказанных фольклорных произведений эпического характера. Если данный факт, т.е. типология традиционных мотивов отражённых в эпосах показывает, во-первых, единство корней тюркоязычных народов с глубокой древности, а во-вторых, описание традиций в эпосах является основой сюжетов дастанов-реальностью жизни.

Исходя из таких историко-генетических и типологических связей, казахский фольклорист А.Коныратбаев ставит перед нашими исследователями устного народного творчества следующую задачу: «При изучении истории фольклора необходимо исследовать целиком в сопоставительно-сравнительном плане эпосы народов всей Центральной Азии, Алтая, даже дастаны народов всего Востока, не замыкаясь (не оставаясь) в кругу одного народа, одного племени» [12:88].

Учёным, который впервые внедрил в практику в фольклористике всей Центральной Азии и тюркоязычных народов принцип историчности и одним из первых учёных, который в истинном смысле слова верно понял историко-

типологические явления в художественных произведениях в целом, а историчность в эпосах, был Ч.Валиханов. Он, изучая события в эпосах и сопоставляя их с историей кочевых народов приходит к выводу, что историчность, в особенности больше встречается в эпосах тюркоязычных народов периода Золотой Орды и Ногайлы. В качестве убедительного примера данного факта он приводит эпосы в сравнении с такими историческими личностями как с ханом Тохтамысом и Едиге, распри между ними, дружественные отношения между Амиром Темуром и Едиге [15:164].

И если подойти к вопросу о типологических сходствах, исходя из второй историко-культурной связи, то здесь необходимо иметь в виду типологические явления в фольклоре и литературе народов не связанных генетически и не имеющих родственные связи. Такие типологические явления могут возникать на основе единообразия или же в результате взаимоотношений и взаимопониманий, или степени развития политико-экономических и культурных отношений между разными по языку, религии, крови, т.е. неродственных народов, например между странами Запада и Востока. Это можно конкретно увидеть в болгарском устном-народном художественном творчестве, где часто встречаются явления типологического характера византийского и тюркского фольклора. Это объясняется, во-первых, тем, что этот процесс зародился в результате агрессивной политики Турции, во вторых, оно связано с тем, что эти народы проживают на близкой друг к другу территории [28:343].

Для подтверждения этих фактов можно привести примеры типологии сюжетных мотивов связанных с волшебными, сверхъестественными событиями, часто встречающимися в эпосах народов Запада и Востока, а также литературно-фольклорных типологических сходств монголо-тюркских народов, которые происходят из историко-культурных связей.

М.К.Нурмухамедов, отмечая общность таких явлений у фольклора народов Средней Азии и русского народного фольклора связывает сюжет дастана «Сказание о Шарьяре» со сказкой о ребёнке с золотым чубом, которая широко распространена на Востоке и Западе [19:27].

Русские фольклористы подобные общие сюжетные мотивы стараются объяснить такими терминами, как «странствующие сюжеты», «блуждающие сюжеты», «миграция сюжетов». Учёные каракалпакской фольклористики, усваивая данные термины-названия, используют их кальки-переводы («сюжетлердиң саяхаты», «гезбе сюжетлер», «сюжетлердиң көшип-коныўы»).

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Если собрать воедино все эти непонятные и туманные названия-термины, приведённые выше кальки-переводы на каракалпакском языке, то получится понятие «переносные сюжеты».

Термин «переносные сюжеты» впервые ввёл в научный оборот ведущий специалист устного народного творчества тюркских народов В.М.Жирмунский [9:45]. По его наблюдениям каждый фольклорный сюжет, в том числе и сказочные мотивы, по сравнению с крупными эпосными произведениями, т.е. по сравнению с мотивами дастанов-эпопей, способен быстро и оперативно переходить с одной страны в другую, от одного народа в другой [9:33].

Проблемы типологии волшебнособытийных сюжетных мотивов

Человеческое общество испокон веков живёт в постоянной взаимосвязи, взаимоотношении связи между собой. Купцы разного рода, миссионеры, послы и дипломаты, путешественники и туристы, курьеры и консулы, а также другие категории лиц с самого начала возникновения человеческого общества шли, ездили или пользовались различным транспортом между странами. Это мы хорошо знаем из истории.

Миссионеры и дипломаты, купцы и послы интересовались степенью развития культурного уровня, условиями их жизни, традициями, обычаями, ритуалами и обрядами незнакомых раньше им народов, живя и работая среди них. Они знакомились с их языками, литературой, устным народным творчеством. Исходя из уровня своих научных знаний, возможностей, способностей и мастерства, они сами рассказывали им самые интересные картины жизни из шедевров, оставленных им в наследство своим народом. В результате этого простые элементарные мифы и легенды, сказания и сказки и даже крупные дастанные сочинения, эпические произведения, художественные полотна кочевали из одной страны в другую, из одного государства в другое, и они смешались до неузнаваемости. Эти исполнители, конечно же, передавали их, приспособивая несколько к своим слушателям и условиям, в результате чего, появились различные варианты вышеуказанных сочинений, начиная от простейших сказок и кончая крупными эпосами. Вот истинное обоснование такого интересного явления, т.е. вхождение выше названных творений из одной страны в другую В.М.Жирмунский назвал «переходящим сюжетом» [9:33-34].

В 1905 году была организована экспедиция в Хатан, которой руководил И.П.Толмачёв и он рассказывает искреннее прилежание венков к русским фольклорным сочинениям следующим образом: «Мы собственными глазами видели, с каким удовольствием слушали наши сказки эти инородцы. Я взамен сказкам, которые рассказал

Данила, излагал героические события, совершавшиеся Ильёй Муромцем. Я никак не могу до сих пор забыть его радости во время прослушивания. В особенности, когда я пересказал сказку о «Рыбаке и рыбке», никак не забуду его волнения в процессе прослушивания им... Возможно, отныне внуки Данилы все эти сочинения будут распевать в виде песен? Услышанные им сказки от русских и казахских купцов, может быть не кочуют ли от дедов к внукам?...» [27:263].

Каждый дастан не сразу оформился как цельное эпическое произведение. Сначала оформлялись частицы, отдельные главы. Лишь впоследствии они, исходя из собственных художественных ценностей были сконструированы между собой в одно целое и превращались в дастаны-эпосы. Вначале жырау сочиняли события, которые у них оставались в памяти, а затем героические действия своего любимого героя и у слушателя – народа, и таким образом они синтезировали их, создавая некоторые отдельные главы будущего эпического произведения. А впоследствии, с течением времени, они, эти главы были дополнены в соответствии со вкусом и требованиями слушателей, и постепенно они пополнялись и совершенствовались. К ним также прибавлялись разного рода сказочные легенды, мифы, и другие различные устные повествования и рассказы. И таким образом постепенно и последовательно создаются крупные эпические произведения – дастаны и эпосы. Такой процесс -закономерный путь развития в зарождении и совершенствовании эпических полотен народов всего мира.

Учёный С.Ошеров в предисловии к эпосу Гомера «Одиссея» пишет: «...Рапсодии аэдистов в музыкальном сопровождении, исполнявшаяся народными сказителями, была по объёму не очень крупной. Видимо, каждая из них была посвящена одной мифической картине. Эти рапсодии постепенно, шаг за шагом собирались воедино вокруг одного какого-нибудь события или какого-то главного героя и превращались в большой цикл. Вот из таких циклов возникали эпические поэмы и эпопеи» [21:13].

Конечно, объединение в художественном плане без сучка и без задоринки разношерстных циклов зависит от степени таланта и взгляда на мир жырау и сказителей. Так, например, возьмём один из шедевров мирового масштаба – одно из талантливых творений каракалпакского народа – дастан «Сказание о Шарьяре». В нём имеются чудесные образцы мастерски умелого синтеза крылатой фантазии с легендарными событиями, мифами и сказками. Если сказать конкретно, дастан «Сказание о Шарьяре» напоминает имеющиеся ранее известные сказки, легенды, мифы, крылатые, фантастические рассказы среди

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

народов мира. Они были близки по своему содержанию и по генеалогии с нашим дастаном и бросаются в глаза как вереница галереи действительно переходящих сюжетов. Это мы ощущаем с самого начала чтения дастана.

Композиция дастана «Сказание о Шарьяре», его содержание очень близки к дастану казахов «Мунлык-Зарлык»: «В стране многотысячных ногаев жил-был хан Санджар и он, хотя и имел 60 жён, но не имел детей. Когда ему исполнилось 60 лет, он паломничает, посещая кладбище и прося о милости бога, чтобы тот ему подарил детей. Когда он спал, ему приснился святой Кыдыр Ильяс и тот сообщает ему, что он будет иметь одного сына и одну дочь. Итак, падишах возвращается к себе на родину и выбирает себе в жёны невесту и женится на дочери бедного старика Джаудыра-на Ханшаим. И надо же случиться, когда Ханшаим рождает, хан Санджар находился на охоте в предгорьях (на горе) Шогирлик. Шестидесят жён падишаха со злым умыслом и с помощью бабы-яги, которая, причитая и изгоняя якобы злых духов, вывела из сознания Ханшаим и вместо её двух детей сына и дочери – положили к ней в объятия двух щенков, а детей приказали бросить в реку Казар чтобы утопить. Однако сорок святош, появившись внезапно, не позволили утопиться детям, устроив их в пещере горы Шогирлик. Их кормили джейраны, дикие горные козлы (антилопы). Шестидесят жён сообщают падишаху о том, что Ханшаим родила щенят. Разгневанный хан приказывает убить Ханшаим через повешение. Сорок святош-невидимок разрезают узел верёвки виселицы, и Ханшаим остаётся живой и невредимой. Затем её перетащили на гору с семью хребтами, на семь островов.» [18:154].

Но несмотря на отдельные особенности, можно заметить, что дастаны «Сказание о Шарьяре» и «Мунлык-Зарлык» восходят к одному и тому же источнику. И когда мы говорим о том, что народные сказители-жырау с большим мастерством воспевали, учитывая национальное своеобразие, менталитет и специфику каждого, близких друг другу по духу и происхождению народов – казахского и каракалпакского и исполняя с огромным мастерством синтезированные народные сказки, дастаны, легенды, мифы и крылатые рассказы - фантастику, и самое главное, единое родственное идейное направление, то мы не можем перешагнуть сказки А.С.Пушкина. Особо следует отметить удивительное сходство, чудесную аналогию между произведением великого, гениального поэта «Сказка о царе Салтане» и нашим дастаном «Сказание о Шарьяре». Когда мы начинаем читать каракалпакский дастан, то сразу невольно приходит в ум мысль о сказке А.С.Пушкина: «Три девицы вечерком, прядли пряжу под окном...» То есть, если передать данный фрагмент по текстами

дастана, в прозе, то примерно выглядит следующим образом: «Три девушки, рассаживаясь вечером перед окном, прядя пряжу, рассказывали о своих мечтах. И если случится, что выйти замуж за царя говорит старшая из них, то она бы закатила пир на весь мир, а средняя из них говорит, что если ей удастся выйти замуж за царя, то она соткала бы щипок, которого бы хватило на весь мир, а третья младшая говорит, что если выйдет замуж за могущественного царя, то она бы родила ему сына –богатыря...» [10:225]. Всё это услышал царь Салтан, который стоял за стеной этого дома и решает жениться на младшей из этих девушек, а остальных двоих назначить поварихой и ткачихой.

Начало сказки А.С.Пушкина и дастана «Сказание о Шарьяре» во многом сходны. И Шарьяр, и Гвидон скучают по своим родителям. Баба-яга выхваливает неизвестный, какой-то город Шарьяру словно Бабариха. Стены и заборы крепости и домов волшебного Тахтазарина из золота, серебра и мрамора, золотые купола церквей и мечетей города Гвидона, хрустальный дворец, белка, щёлкающая золотые орехи – всё, всё похоже друг на друга. Владычица города Тахтазарина-Джуддызхан, а владычица мисс Акку-Белой лебеди из сказки Пушкина – тоже Джуддызхан, на лбу мисс Акку из пушкинской сказки горит звезда. Между серебряными косами Шарьяра и Анжим и полнолунием под волосами мисс Акку особой разницы нет.

Великий поэт, когда писал свою «Сказку о царе Салтане», безусловно, использовал и «переходящие сюжеты» и прибавил сюда вымышленную свою фантазию к легендам и мифам, бытовавшим и распространявшимся среди народов. Такой подход характерен всем писателям. Для творческого человека не чуждо присваивать, усваивать и перестраивать на свой лад под сильным впечатлением от какого-то услышанного им интересного рассказа. Н.Г.Чернышевский относит «Сказку о царе Салтане» к ряду переработанных сказок и утверждает, что она написана на основе других сказок [25:264-265].

Сходство дастана «Сказание о Шарьяре» со сказками родственных народов, аналогичность их сюжетных направлений показывает единство их генезиса. Только потом, впоследствии жырау, сказителями и исполнителями они были приспособлены и развиты соответственно и согласно местным условиям. И именно поэтому появились их различные версии, разные варианты.

Такие значительные переносные сюжеты, которые выполняли важную роль в создании дастанов, можно увидеть в мотиве чудесного рождения главного героя дастана «Едиге». И если глубоко вникнуть в содержание дастана, то сразу же видно, что с самого начала зачина занимает

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

место сказочный и мифологический характер. Если в каракалпакском варианте «Едиге» рождается от переодетых в голубей, то в казахском варианте дастана главный герой Едиге рождается от дочери-русалки подводного царя. А в ногайском варианте рассказывается, что мать Едиге является дочерью ведьмы-колдуньи. Во всех этих вариантах все эти существа в человекоподобных образах, поскольку были нарушены клятвы – условия, поставленные перед мужьями, превращаются снова в птиц, предупреждают, что супружеская жизнь между ними нарушена, соответственно, закончена, что они беременны от них (мужей), что где их можно искать и найти, все они улетают, т.е. исчезают.

По указанию Е.М.Мелетинского, если связать какой-то предмет, или сравнить его зарождение, рассказ о его появлении, характеризовать окружающую среду, мир окружающий нас – всё это считается основными, характерными признаками и определениями мифов [17:172]. А в героических дастанах делается экскурс на историю происхождения героя, на генеалогическую летопись (на обстоятельства рождения его, на его взросление...) и только потом переходят на основные события и – это считалось старинной традицией в фольклоре. Во-вторых, в эти стародавние времена те жизненные пути, которые были пройдены великими историческими личностями очень часто превращались из элементарных событий в историю, а из исторических событий в легенды, из легендарных в мифические, из мифических в сказочные...

И действительно в передаче таких генеалогических мифических элементов имеются в виду легенды, мифы, притчи, сказки имеющие мифологическое содержание об исторических личностях, и они в известной степени служили идейными источниками. Эти элементы настолько впитывались в духовную жизнь каракалпакского народа, что они стали якобы собственностью, превращались в собственное орудие (в значении собственное творение), что мифологическое содержание о Мухаммеде (Магамете), Чингисхане, что в дастане «Едиге», повторяется в связи с новой мотивацией, связанной с Едиге и его дедами и всей родословной. Так, например, возникновение Деда Туклеса в ногайском и казахском вариантах от некоего волшебного луча, а также те мотивы, что Дед Туклес описывается во всех вариантах как волшебный человек, полуголый и который ходит вокруг озера по его берегам – всё это является яркими страницами описания картины, которая направлена к стремлению соединить с генеалогическим волшебством по поводу Мухаммеда (Магамета) или Чингисхана, которое мы привели выше. Следовательно, генеалогические мифологические

мотивы об Едиге, мотивы в эпосе возникли в результате художественного синтеза, т.е. закономерного слияния традиции создания мифов и исторических личностей.

Однако мы не должны оценивать эти генеалогические мифические элементы как простое обыкновенное традиционное бесцельное переписывание. И когда жырау-сказители вводили эти генеалогические легендарно-мифические элементы об Едиге в ткань композиции дастана, они с одной стороны, возвеличивали Едиге, а с другой стороны, они хотели передать содержание дастана народу наиболее эффективным способом, искали пути и считали, что единственный путь увлекательной передачи народу содержания дастана – смешать новые мотивы с имеющейся старой ранее формой, которая внедрилась в его духовное сознание. Мы оцениваем это как мастерство жырау-сказителей. С другой стороны, когда они передавали мифологическую генеалогию, нагружали на отдельные детали в известной степени функции идейного смысла. Так например, возьмём в качестве доказательства такие детали, как рождение Едиге от голубя, от русалки с золотыми распущенными волосами, от девушек – русалок в образе белой лебеди. И если мы вдумаемся в происхождение этой мифологической детали как мифический образ, то здесь мы можем увидеть более совершенную форму старинных, архаических мифических элементов. И когда человек узнал, что эти существа не от зверей и птиц, что они представляют собой иные реальности, то он стал искать причину подобного явления – превращения. Таким образом, он стал создавать мифы о себе, о птицах и животных зверях. Мифы того периода сочинялись по следам прежних мифов, для чего использовались старинные, давние – стародавние веры-понятия. Однако, мифы того времени были в виде толкований. Это уже было совершенной формой мифологического сознания [11:66].

По утверждению В.И.Ерёминой, мифологическое сознание определяется единством естественного и духовного мира, именно поэтому его основу составляет закон единства. Мифологическое сознание по мере своего развития переживает две ступени: и если в первой ступени единство естества и духовности является главной характеристикой, то вторая ступень характеризуется разрушением закона единства, связанным с разделением природы от человеческого мира от природы [7:6-9].

В первой начальной ступени считается излишним ставить известную определённую границу между людьми и животными. В данной ступени мифологического сознания особое значение придаётся зооантропоморфическому состоянию человека. Такое положение характерно

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

было особенно для тотемических мифов. Такие мифологические детали, как рождение Едиге в одноимённом дастане от девушек-русалок, которое связывает его происхождение с дичью – с птицами, и то, что тело деда Ворсистого (волосатого, щетинистого) в дастане представляется человеком, который весь в волосах, полуголый, что когда родился Едиге, облакался собачьим молоком, всё это является проявлениями зооантропоморфических, следовательно, тотемических мифов. Что касается вопроса использования детали о рождении Едиге от девушек-русалок в масках птиц, то и в них т.е. деталях нашли отражение пережитки тотемизма, архаическая, начальная ступень мифологического сознания.

Традиция поклонения среди каракалпаков не упоминается ни в художественной литературе, ни в науке. Однако, в дастане Едиге рождается не от голубя, а от девушки – русалки, от чучела птицы голубя. Это значит мифологическое сознание на этапах своего развития впитывало в себя в известной степени и элементы периода матриархата. Отдельные роды и племена, которые считались древними дедами – прадедами каракалпаков, признавали женщин своими создателями, родословной, родоначальной, волшебной силой и делами их символами, боевым кличем.

Рождение Едиге от золотоволосой русалки, проживающей в подводном царстве в казахском варианте дастана – это миф, это мифологическое событие о русалке, которое распространилось в «чистом виде» среди каракалпакского и казахского народов. Однако, и в двух вариантах данное мифологическое сознание (пусть это встречается в качестве элемента, пусть в виде целостной, «чистой» формы) является очевидной картиной тотемизма, которая своё происхождение связывает с дичью – птицами.

В данном вопросе место и направление которые занимает ногайский вариант по сравнению с другими версиями, намного яснее. Ибо в этом варианте занимает место указание на то, что деда-прадеды берут Едиге от лебедей.

М.К.Нурмухамедов приводит интересные увлекательные примеры о том, как занимала место тотемическая идея в преклонении тюркско-монгольских народов лебедям [19:27-28]. Если судить по его приведённым примерам, то можно утверждать, что башкиры и буряты считают лебедей своими сородичами, древнейшими прадедами и прабабушками.

Если учесть сведения Ш.Маржани, приведённые из работ арабского учёного X века Ибн Фадлана, то наблюдались обряды башкиров в X веке преклоняться перед змеями, журавлями, рыбами. По его примерам башкиры и буряты считали своими сородичами белых лебедей. Ибн

Фадлан причину преклонения башкиров журавлям объясняет и комментирует следующим образом: В стародавние времена, когда башкиры вели битву с врагами, противоположная сторона начала одерживать победу и заставила башкиров бежать с поля сражения. И в этот миг один журавль вслед беглецам, т.е. башкирам стал вызывать их вступать снова в бой своими кликами. Услышав это, башкиры вернулись обратно (вспять) и добились победы над врагом. Так вот, с тех пор стали они преклоняться перед журавлём, считая, что «Он – наш бог, заставил наших врагов бежать с поля битвы» [16:93].

Хотя тотемизм считается общим явлением для тюркоязычных народов, В.М.Жирмунский почему-то с генеалогической точки зрения миф, связанный с лебедями в дастане «Едиге» (в ногайском варианте), сближает с монгольскими мифами. Если судить с точки зрения сведений, которые он приводит из трудов Потанина, то этническое происхождение хангинов, проживающих на территории Балаган в Монголии принадлежащих к бурятским племенам, связывает с лебедями. Данная мифологическая летопись, связанная с лебедями, перекликается по содержанию воедино с летописью о рождении деда Едиге – Кутлы-Кыя – от лебедя [8:382].

Ряд учёных считает, что буряты заимствовали тотемические мифы о лебедях у тюркоязычных народов. Если подойти к вопросу использования детали при рождении Едиге от русалок – пери (ангелов) в птичьем чучеле, то и в них получили отражение остатки тотемизма – первоначальный архаический этап в их мифологическом сознании.

Мы в связи с мифологической историей исторических личностей хорошо знаем, что прадед Чингизхана Боданчар родился от луча, что он ходил-бродил вокруг озера, охотился, рыбачил, что он жил именно образом, и что из мифологического сюжета известно, что он был полумумным, полудиким человеком. Боданчар этими своими характерными чертами во всех вариантах дастана напоминает (в казахском происходил от лучей глаз, в ногайском от какой-то волшебной силы) Ворсистого, Волосатого деда Азиза. Эта мифологическая деталь, связанная с прапрадедом Едиге, возможно, является новой картиной широко распространённого среди каракалпаков мифологического сюжета, связанного с летописью о Чингизхане. Нам здесь вместе с тем следует отметить ещё раз то, что данная мифологическая деталь внедрена в дастан в связи с традицией порождения мифологической генеалогии об исторических личностях мифического сюжета. Необходимо отметить, что данная мифологическая деталь заняла место в построении дастана в связи с традицией преклонения огню. Ибо преклонение лучам,

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

солнцу, огню, считается главным условием зороостризма – религии преклонения огню. А религия преклонения огню была самой ранней религией, которая распространялась ещё до монгольского нашествия в Среднюю Азию. Данная религия (зороостризм) первоначально стала распространяться во время перехода с VI века на V век до нашей эры, т.е. в период торжественного царствования Дария I в Персии, затем она перешла к арабам. Учитывая всё это можно убедиться в том, что мифические сюжеты о волшебном обременении, как выше отмечалось, распространённый традиционный кочевой сюжет среди арабо-персидских и тюрко-монгольских народов, и они произошли этимологически из единого источника.

Тематическое единство в фольклоре народов Востока мифического сюжета о волшебном рождении, а также отношение в известной степени к традиции преклонения огню отметил особо и М.К.Нурмухамедов на примерах кочевых сюжетов в Западно-Восточном фольклоре и литературе [19:28].

Распространение среди тюркоязычных народов традиции преклонения Огню, Солнцу, вообще тотемизму подтверждают и мифологические детали во многих песнях жырау (эпоса) «Коркыт-ата», «Огузнама». Так например, если верить тому, что в части «Игдыр» «Коркыт-Ата», существовали поколения, рождённые от пери-девушки-русалки из племени туркмен «Игдыр».

Картина традиции давать птицам тотемическую характеристику сохранилась и в дастане «Горуглы». Например, Горуглы первый раз женится на дочери пери [12:40]. А по описанию данного дастана в «Огузнаме», три старших сына Огузнама женятся на Солнце, Луне и Звезде, которые являются дочерьми от его брака с небесной пери [13:41].

Если смотреть со стороны, то, кажется, в отдельных мифологических деталях прокомментированных выше, имеется целевое переливание близких явлений. Так например, с нарушением договорённости между Дедом Волосатым (Ворсистым) Азизом и пери, в образе чучела пери превращается из образа женщины снова в птицу, покидает мужа и улетает.

Данное явление в указанных выше других мифологических деталях не находит заметной картины. Как мы видим в тех деталях занимает сильное направление и в то же время можно увидеть простое, элементарное превращение в котором можно заметить единство человека и природы, дичи птицы, то в лице человека, чем в целевых превращениях. Следовательно, хотя мы и утверждаем, что деталь обращения пери-женщины в дастане после нарушения условий снова в чучело птицы характерны для второго

этапа развитого мифологического сознания, в её основе лежат тотемические, этимологические мифы, характерные первоначальной ступени мифологического сознания.

В дастане можно встретить и такие мифические детали, которое характерны для второй ступени мифологического сознания. По указанию С.Каскабасова в мирах второго этапа мифологического сознания явление целевого превращения наиболее чувствительно. На данном этапе мифологического сознания человек осознаёт, что он разделён от природы и считает законным процессом превращения человека, признавая это как закономерное явление. Превращение человека в животного и в другие предметы связывается с какой-то причиной [11:76]. В том же случае – виновность считается одной из основных причин, превращение человека в другое существо или его столкновение с несчастным случаем. Виновный человек после наказания превращается в дикое существо, в птиц или с ним случается несчастье.

В большинстве случаев данное наказание осуществляется через их магическую веру через силу слова, через его волшебство.

В башкирском варианте дастана «Едиге» имеется мифологический мотив об описании похода Едиге к Сатемиру хану (Сатемиру, Шаху Темиру, Амиру Тимуру – таковы варианты имени Амира Тимура–А.Г.). Именно здесь можно увидеть синтезированную картину всех этапов архаического мифа мифологического мотива. Превращение волоса хвоста того коня, который съел волшебную траву – маргию – в данном варианте, его волшебство, которое заключается в умении превращать волос этот в диких животных, умение его оживить их и заставить говорить, т.е. умение подарить им человеческий голос, речь сороки, подобная человеческой и если – все это является мифологической деталью, характерной для первоначального этапа и «закономерное превращение, переобжорожение», то гнев Деда Волосистого (Ворсистого), превращение старика в каменного памятника в результате проклятия, произнесённого у колодца, жизнь жырау Сыпыра без детей – эти все детали, характерные для этапа условного превращения более усовершенствованного архаического мифа.

Заключение

В целом, среди тюркских народов, в частности каракалпакского, идейно-эстетический источник эпосов служил их генезисом, или же можно утверждать о существовании подобных мотивов, служащих генеалогической причиной героев эпических произведений связанных с волшебными, тайными, событийными мотивами. Однако приведённые выше примеры и выводы, извлечённые из них сами за себя говорят о том, что

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

безусловно определяет ещё одну вещь – это то, что тайные, волшебные событийные и сюжетные мотивы распространялись из одного источника, что подача их в различных формах и целях свидетельствует не только о разнообразии образа и красок жизненных условий вышеназванных народов, но и доказывает тысячелетние связи исторического, культурного и другого характера (экономического, социального, общественного, духовно-культурного) между ними. Мысли,

суждения и высказывания зарубежных учёных, приведённые выше о волшебно-событийных сюжетных мотивах в эпических произведениях фольклора этих народов безусловно могут служить научно – теоретическими основами для крупных исследований, которые могут вестись по эпосоведению в будущем с помощью сравнительно – сопоставительного и типологического методов.

References:

1. Allambergenov, K. (1995). *Karakalpak national epos "Edige"*. [Karakalpakskiy natsionalniy epos "Edige"]. Nukus: Bilim.
2. Allambergenov, K. (2017). *Er Edige, «Edige» dástanı Altın Orda hám Mauerannaxr dáwiri tariyxınıń geypara máseleleri*. [Kray zemli, poet Edige Zolotaya Orda i nekotorie problemi istorii Maverannaxra]. Nukus: Bilim.
3. Baxadırova, S., & Axmetov, S. (1994). *Folklor taniw terminleriniń sózligi. «Qorqıt ata» kitabı, «Qoblan», «Edige» dástanları hám házirgi ádebiyat haqqında oylar*. [Slovar folklor nix terminov. Razmishleniya o knige "Ded Korkuta", "Koblan", "Edige" i sovremennoy literature]. Nukus: Bilim.
4. Bahadırova, S. (1992). *«Qorqıt ata» kitabı, «Qoblan», «Edige» dástanları hám házirgi ádebiyat haqqında oylar*. [Razmishleniya o knige "Ded Korkuta", "Koblan", "Edige" i sovremennoy literature]. Nókis: Karakalpakstan.
5. Berdibaev, R. (1995). *Epos – el qaznası*. [Epos –eto sokrovishhe zemli]. Alma-ata: Rawan.
6. (1958) *Voprosi izucheniya eposa narodov SSSR*. [Voprosi izucheniya eposa narodov SSSR]. Moskva.
7. Eremina, I. (1978). *Mif i narodnaya pesnya. / Mif. Folklor. Literatura*. [Mif i narodnaya pesnya. / Mif. Folklor. Literatur]. L.: Nauka. L.O.
8. Jirmunskiy, V.M. (1974). *Tyurkskiy geroicheskiy epos*. [Tyurkskiy geroicheskiy epos]. LO.: Nauka.
9. Jirmunskiy, V.M. (1979). *Sravnitelnoe literaturovedenie. Vostok i Zapad*. [Sravnitelnoe literaturovedenie. Vostok i Zapad]. (p.3-4). L.: Nauka.
10. (2009). *Qaraqalpaq folklori*. 100 tomliq. [Karakalpakskiy folklor. 100 tomov] 9-13 tomov. Nukus: Karakalpakstan.
11. Qasqabasov, S. (1981). *Qazaqtıń xalıq prozası*. [Kazaxskaya narodnaya proza]. Almati: Gilim.
12. Końratbaev, A. (1987). *Tyurkologiya jáne epos*. [Tyurkologiya i epos]. Alma-Ata: Gilim.
13. Korogli, X.G. (1976). *Oguzskiy geroicheskiy epos*. [Oguzskiy geroicheskiy epos]. Moscow: Nauka.
14. (1983). *On je. Vzaimosvyazi eposa narodov Sredney Azii, Irana i Azerbaydjana*. [On jee. Vzaimosvyazi eposa narodov Sredney Azii, Irana i Azerbaydjana]. Moscow: Nauka.
15. Maksetov, K. (1996). *Qaraqalpaq xalıq awızeki kórkem dóretiwshiligi*. [Karakalpakskoe ustnoe narodnoe xudojestvennoe tvorchestvo]. Nókis: Bilim.
16. Marǵulan, E. (1972). *Shoqan jáne Manas*. [Shokan i Manas]. Alma-Ata: Jazıwshı.
17. Marjani, Sh. (1989). *Qazan h.m Bolgar ha'llerge turında faydalanılǵan xábárlar*. Kazan: Tatarstan.
18. Meletinskiy E.M. (1976). *Poetika mifa*. [Poetika mifa]. Moscow: Nauka.
19. Muńdıq-Zardıq. (1964). *Qazaq xalıq eposı*. Almati: «Jazushı».
20. Nurmuxamedov, M.K. (1987). *A.S.Pushkinniń ertekleri hám Orta Aziya xalıqlarınıń folklori*. [Skazki A.S.Pushkin i folklor narodov Sredney Azii]. Nukus: Karakalpakstan.
21. (1959). *Ob epose «Alpamis»*. [Ob epose "Alpamis"]. Tashkent.
22. Oshero, S. (1959). *Gomer «Odisseya»*. [Gomer «Odisseya»]. M.
23. Putilov, B. (1997). *Epicheskoe skazatelstvo: Tipologiya i etnicheskaya spetsifika*. [Epicheskoe skazatelstvo: Tipologiya i etnicheskaya spetsifika]. (p/205.) Moscow: Izdatelskaya firma «Vostochnaya literatura» RAN.
24. Propp, V. (1969). *Morfologiya skazki*. [Morfologiya skazki]. Moskva.
25. Rayxl, K. (2008). *Tyurkskiy epos: traditsii, forma, poeticheskaya struktura /Karl Rayxl; per s ang. V Treyster pod red. D.A.Funin*.

Impact Factor:	ISRA (India) = 4.971	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 0.829	PIHHI (Russia) = 0.126	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 8.716	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 5.667	OAJI (USA) = 0.350

- [Tyurkskiy epos: traditsii, forma, poeticheskaya struktura /Karl Rayxl; per s ang. V Treyster pod red. D.A.Funin]. (p.303). Moscow: Ros.Lit.
26. (1955). *Russkie pisateli o literaturnom trude*. [Russkie pisateli o literaturnom trude]. L.: T.2.
27. Saġitov, I. (1986). *Qaraqalpaq xalıq qaharmanlıq eposları*. [Karakalpakskaya narodnaya geroicheskaya eposi]. Nukus: Karakalpakstan.
28. Tolmachev, I.P. (1905). *Materialı po evenskomu (jungueskomu) folkloru*. [Materialı po evenskomu (jungueskomu) folkloru]. Yakutsk.
29. Xotamov, N., & Sarimsaqov, B. (1983). *Adabiyotshuntelik terminining ruscha-uzbekcha izohli luġati*. [Russko-uzbekskiy slovar literaturnix terminov]. Toshkent Uqituvchi.